

УДК 821.161.1-3+81'23

МИР НЕОБЫЧАЙНОГО НИКОЛАЯ АСЕЕВА

Т.М. Малыхина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
e-mail: etnolingv@mail.ru

Курский государственный университет

Т.В. Летапурс

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
e-mail: lietapurs@mail.ru

Юго-Западный государственный университет

В статье рассматривается проблема восприятия окружающего мира Н.Н. Асеевым, особенности внутренних переживаний его лирического героя, выявляется отношение поэта к советской критике, отстаивание романтических принципов и права на творческую свободу и индивидуальность. Цель предпринятого исследования – осмыслить поэзию Н.Н. Асеева 50-60-х годов, его личную переписку, позицию Н.Н. Асеева в отношении к фантастике и изображению необычайного; описать причины полемики вокруг «Поэмы о Н.В. Гоголе», раскрыть «специфику «гоголевской темы» в его произведениях и статьях; дать целостный анализ лирических стихотворений с точки зрения поэтики, функциональности цветовой лексики как проявления романтической традиции.

Поэзия Н.Н. Асеева, истинная гражданственность которой заключалась в серьезном постижении истории, культуры, языка народа, его лучших писателей, давала ответ на вопрос, что такое красота природы, искусства, человека, женщины в частности. Поэта интересовала проблема творческого поиска и свобода художника. На примере судьбы Гоголя он показывал, что творец – всегда фигура трагическая, потому что ответственность за мир, понимание всех его диссонансов ведет к душевной борьбе, мучительным сомнениям и разочарованиям. И вместе с тем полет мысли, фантазии, загадочность образов Гоголя, их многозначность и культурологическая глубина вызывали потребность проникнуть в сущность его миропонимания, уяснить значимость для последующей русской литературы, вплоть до Горького и Маяковского. Романтическое видение Гоголя, декларируемое в стихах, действительно, находит подтверждение в образах и художественном пространстве Асеева. Так, гоголевское стремительное движение, единство макрокосма и микрокосма с предельной детализацией света и тени, цвета, введение фантастики в бытовую реальность для раскрытия абсурдности реального мира или для утверждения идей будущего используется поэтом во многих произведениях. Сложность жизни постигается только в совокупности обыденного и необычайного, причем необычайность понимается как творческая свобода при воплощении темы, идеи, проблемы, языка, а кроме того, трагическое в жизни начинает восприниматься не через призму советского оптимизма, а в соответствии с гуманистической идеей исключительной ценности человеческой жизни, прав и свобод личности.

Ключевые слова: лирический герой, романтические принципы, фантастика, проблема необычайного, образ цвета, художественное пространство, лексика необычайного.

*Чего же я хочу? Необычайного.
Того же, что Гоголь и Шамиссо.
Чтоб нос путешествовал по
проспекту,
А тень отделялась от каблуков.
(...)
Необычайное всюду, всюду.*

Н.Н. Асеев

Введение.

Николай Николаевич Асеев в советскую эпоху был известным поэтом, сегодня, когда чтение и поэзия стали делом избранного меньшинства, о нем мало знают, и его стихи, пожалуй, на слуху лишь у специалистов. Не претендуя на то, чтобы вернуть поэту былую славу, все-таки считаем вполне обоснованным поразмышлять о том, что шло в его творчестве вразрез с ортодоксальными традициями советского времени, но было важной составляющей таланта Асеева и его неординарной личности.

Начнем с проблемного вопроса: почему, собственно, поэтическая судьба Асеева представляется нам драматической и вызывает чувство сожаления своей творческой незавершенностью? То, что он оказался противоречив, об этом стали писать в последние годы. И. Шайтанов свою статью о поэте так и назвал в форме риторического вопроса «Благополучный Асеев?..» и показал, что не все так просто в его судьбе. Отдавая должное таланту, он писал: «Сегодня, когда критерием человечности перепроверяем многие репутации, асеевской, кажется, ничего не угрожает», но, тем не менее, упрекнул: «Разве лишь то, что его поэзия, пусть искренне, часто спешила окраситься в цвет времени, не оставляла за собой право на собственное мнение. Отказывалась от этого права и как раз в тридцатые годы почти научилась без него обходиться» [Шайтанов 1990: 19]. И далее: «...три тома сиюминутных стихов не перевешивают том поэзии, но поэзия в массе проходных откликов на случай, среди однодневок порой оказывается погребенной, забытой» [Шайтанов 1990: 19].

Да, Асеев писал «социальный заказ», а хотелось бы, чтобы не писал, и теперь из песни слова не выкинешь. Поэт не пошел по пути свободного художника («Ты сам свой суд...»), не мог, потому что выбрал путь с революцией, к тому же любовь к Маяковскому, чувство долга заставили быть после его смерти продолжателем общего дела, «взвалить на плечи стопроцентного лирика» груз эпического «горлана-главаря», поэтического строителя нового мира. Асеева, в глазах «новых неистовых ревнителей», действительно, оправдывает только то, что он свято верил в новое

будущее. Однако, если поглубже вникнуть, особенно в письма, где есть предельная откровенность, то станет понятно, что в душе поэта, как всякого большого таланта, шла постоянная борьба: во-первых, возникали сомнения, надо ли писать на ту или иную тему, во-вторых, «отступления» от «генеральной линии» советской поэзии дорого обходились: поэт мучительно переживал непонимание и одиночество. Сегодня, когда политику в поэзии понимают весьма своеобразно, все-таки уточним: на наш взгляд, настоящая гражданственность не сводится к пропаганде и предполагает критичность мышления. И в этом смысле, видя в поэзии Асеева лучшее – «славянское слово», «оживление древнего мироощущения», «национальное без грошовой пафоса и народность без пасторальной умиленности» [Шайтанов 1990], хотим поразмышлять о той стороне его творческих поисков, которые делали его тонким, глубоким и неординарным. Речь пойдет о проблеме «необычайного», что в принципе всегда связано с философией, миропониманием поэта вообще, смыслом поэзии, творчества, его идиолектом.

Материалы и методы.

Безусловно, за долгий советский период творчество Н.Н. Асеева было исследовано с точки зрения различных аспектов литературоведения и лингвистики. Вместе с тем изменение общественно-политических воззрений последних десятилетий дают возможность по-новому осмыслить противоречия в творчестве данного поэта, увидеть те стороны его поэтического мира, которые остались без внимания в силу идеологических причин.

Мы обратились к разным жанрам – лирическим стихотворениям, поэмам «Необычайное», «Поэма о Н.В. Гоголе», статье «Хома Брут и панночка»; рассмотрели личную переписку Н.Н. Асеева начала 50-х годов с А.А. Фадеевым, А.С. Эфрон, Б.Л. Пастернаком, Д. С. Лихачевым, выявили причины «столкновения» различных позиций. Одной из них, на наш взгляд, является утверждение права поэта на индивидуальное видение мира вопреки официальной критике.

Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, комментированного чтения, компаративный анализ, этнолингвистический анализ, этимологический анализ.

Результаты.

В последнее время молодые исследователи стали более внимательны к периоду становления отечественной фантастики, в их поле зрения попал и Н.Н. Асеев. Его раннюю книгу «Проза поэта» с точки зрения эстетики необычайного внимательно рассмотрела Т.С. Дубровских, которая, говоря о повестях и рассказах с фантастическими сюжетами и героями, заключила

следующее: «Собранная в конце первого пореволюционного десятилетия новеллистическая книга Николая Асеева «Проза поэта» аккумулирует разнородные приемы поэтики необычайного. Формы рационально-логической и сатирико-гротескной условности ориентированы на реализацию доминантных в культурно-исторических координатах советской литературы 1920-х гг. прогностической и критической функций. Фантастические модели, ассимилировавшие знаки идеологически ангажированной футуристической эстетики и приметы романтического художественного мышления, позволяют объемно и выразительно изобразить парадигму отношений человека и мира новой формации в диалектической сложности переходного времени» [Дубровских 2016: 108]. Соглашаясь с тем, что фантастика 20-х годов, выполняя критическую функцию, использует сатиру в гротескных формах, что прогнозируемое будущее связано с идеологией и утверждением романтического видения, особенно романтической мечты и пафоса, сделаем, на наш взгляд, существенное дополнение. Н.Н. Асеев находился не просто в русле общей устремленности к новому миру, в культурном поле традиций романтизма прошлого (которые, кстати сказать, включают не только традиционные приемы изображения пространства, времени, героев, образной системы и т.д.), но прежде всего имел индивидуальное понимание, что такое «исключительное, изумительное, поразительное» в окружающем мире и не только с социальной точки зрения, а в большей мере с «философски идеалистической».

Поэма «Необычайное» написана в 1930 году [Асеев: 2: 408], в сложное и трагическое для народа и страны время. Но кто может поверить в грядущий голод, репрессии, кровопролитную войну? По всей видимости, Асеев, как и большинство, готов строить новый прекрасный мир, ради которого придется пройти горнило страданий. Еще верит искренне и абсолютно вдохновенно пишет «необычайно совершенное» будущее. И можно смело утверждать – лучшие стихи о коммунизме в советской поэзии. Почему? Потому что очень красиво, очень счастливо, наполнено радостью, энергией, мощью движения, светом, любовью к миру, человеку, планете, которая молодеет на глазах, теряя свою уродство. Нет официозных стандартов, клише, есть завораживающий лирический поток.

Картина будущего Асеева не имеет технократического урбанизма, механического абсолюта, унификации. Его коммунизм, как ни покажется странным сравнение, – это рай, в котором благоденствуют не праведники, а простые смертные. Его земля – это сад, где *игра света, цветы на стеблях, земля без щелей и рытвин, дочиста вымыта и обрыта, свежесть и дичь ее не пропала, не захирела лесов щетина и т.д.* Исчезает не только то, что отягощает физическое состояние людей – холод (люди научаются перераспределять климатические потоки), старость, бессилие, болезни, но

прежде всего меняется их духовное состояние – они не знают больше животных и человеческих пороков: «страх и унынье упали в воду, горечь и злоба распались в дым» (чем не библейская формула?), «никому не темно, не больно, не одиноко, не сиротливо, где тебе каждый дорогу укажет, лаской обвеет и песню споет» [ссылка]. Мир всем дает одинаковые возможности: силу, здоровье, удачу, страсть, молодость, веселье, интеллектуальное развитие. Был век золотой, серебряный, железный, теперь – «хрустальный», такой же блистающий. (Подчеркнем, автор и не хочет замечать «вкрадывающийся» подтекст: хрусталь хрупок!)

**Люди иной, хрустальной эпохи
станут внимательней и точнее,
станут видеть, что нам непонятно,
и о нас вспоминать, как о старых
консерваторах и неряхах,
головой с сожаленьем качая,
говоря, что это случилось
(точно мы о царе Горохе)
до распаденья атомных ядер,
до коммунизма на всей земле!
Может, другое названье будет,
лучше, звончее, понятней, ярче,
но назовем его коммунизмом,
так как, его ощущая сердцем,
кожей, ноздрями, весной, дыханьем,
так мы его пока понимаем** [Асеев 1967: 515–516].

И если уж говорить о главном достоинстве данного стихотворения, то оно, на наш взгляд, заключается не только в картине лучистой гармонии мира, переданной столь «атмосферно», выражаясь современным популярным словом, но в прекрасном состоянии лирического героя.

**И о таком непривычном веке,
и о таком невозможном свете
весть синеватую и сырую
я подсмотрел, подглядел, подслушал,
тихо нацелившись и наблюдая,
в щелочки детских пытливых глаз.
Необычайными стали тени,
необычайными стали мысли,
необычайностью стало время,
мне отпущенное на жизнь.
Так как – бабочкою кружася,
пестрой выдумкою сверкая,
село будущее перед нами
на росой покрытый цветок.**

*Так как дитя со мной было рядом,
так как дитя его ждало жадно,
так как пред детским горячим взглядом
будущее не умеет лгать.
Необычайное ж – всюду, всюду,
только взглядишь в него вровень с морем,
только лови его на обрывок,
только застынь над ним с плотной сеткой.
И не морской благодатный отдых,
а закипит дорогая тревога –
пестрым блеском, осколком сини,
тысячью непережитых мгновений
враз опрокинувшись на тебя [Асеев 1967: 516].*

Он буквально воспарил на крыльях фантазии и пережил то настоящее творческое вдохновение, когда при погружении в микрокосм прорастает сила жизни, любви, надежды, что и общее, и собственное будущее будет прекрасно.

Асеев еще не задался вопросами: а нужно ли человеку быть всегда и во всем счастливым? что он потеряет, став совершенством? как станет мыслить, если всем будет доволен? как поймет добро, милосердие, если все будет исключительно прекрасным? И не только жизнь заставит задуматься над поиском ответов. Нужно будет самому «дойти до самой сути», не потеряв любви к игре воображения.

Результаты обсуждения.

Строки, вынесенные в эпиграф, можно считать программными.

И прежде всего в утверждении творческой свободы, фантазии. Асеев всю жизнь размышлял о тайне жизни, и ее восприятие было у него романтическим. Собственно, и отношение к революции несло жажду небывалого, исключительного. Об этом он часто писал сам: «Революция была новой, она сбила оковы не только с политических каторжан, она освободила от оков фантазию, душевный порыв, заветную мысль, надежды молодости» [Асеев 1990б: 32]. Социальный утопизм без вымысла был невозможен, и, как всегда, в противовес ему родился антиутопизм трезвого развенчания и удивления перед романтической наивностью. Не потому ли их столкновение породило столь жгучие искры: М. Горький – И. Бунин, А. Толстой – Е. Замятин, М. Шолохов – А. Платонов. Лирический революционный порыв был, безусловно, оригинален, ярок, красив и увлекателен. Вот поэтому Маяковский со своей энергией и жаждой обновления всегда будет в строю отечественной поэзии. Без бунтарства не существует прогресса. И Асееву с его лирической всеобъемлющей любовью к мечте, добру и человечности отказаться от революционной идеи совершенствования мира было нелегко, он так и остался

бескорыстным мечтателем, белые крылья которого так и остались белыми, но, увы, раздражавшими революционных прагматиков.

К концу жизни поэта у многих «чесались руки», чтобы лишить его полета. Ему, по всей видимости, были близки слова из письма Ариадны Цветаевой (сам факт подобной откровенности, конечно, тоже в пользу Асеева: в 1948 году не каждому так доверяются): «Говорят, что горноста́й – самое чистое животное на свете, если запачкать его шкурку, ну, скажем, дегтем, так, что он не сможет ее отмыть, он подышает. Вот таким-то дегтярным горностаем я и чувствую себя – отмыть не дают, потому что я «выросла за границей», одним словом, очень хочется сдохнуть. А у меня не только шкурка была беленькая, я и внутри вся беленькая была – иначе я сюда и не приехала бы» [Асеев 1990б: 416–417].

Что же, собственно, так раздражало в Асееве многих критиков, читателей советских, привыкших к стандартам? Вроде бы не было повода: друг и соратник Маяковского, участник революции, основоположник советской поэзии, «завсегдатай» президиумов. А вот о чем пишет он Фадееву в 1951 году: «Дорогой Александр Александрович! Я очень соскучился по тебе. И не по тебе как генсекретарю Союза писателей, хотя и это сказывается на моей писательской судьбе, а как по литератору, всеми своими корнями вросшему в нее. Не знаю, как тебе это доказать и рассказать, но мне кажется, что эти корни лежат только тогда крепко, когда очень свое дело любишь не за славу и выгоду, а самое дело, доставляющее тебе высочайшее счастье, хотя обжигающее иногда отскочившей стружкой. Мне не с кем стало разговаривать об этом» [Асеев 1990б: 430].

Белому и чистому в прямом значении слова Асееву одиноко. И как вопль души: «Саша, напиши мне несколько слов: сердце у меня сдает, ночью останавливается временем, и кажется, что уже не двинется дальше. Твардовский – умница и талантлив, но у него своя судьба. А в нашей были какие-то связи. Любящий тебя Н. Асеев» [Асеев 1990б: 431]. Спустя два месяца гордое негодование поэта по поводу всеобщего непонимания в критике новой поэмы о Гоголе. И все-таки доверие другу, надежда, что поможет. А.А. Фадеев ответил, но, к сожалению, это письмо «осторожного» функционера:

«Дорогой Николай Николаевич!

Название, придуманное тобой, извини меня, еще хуже прежнего, ибо уже с самого заголовка настраивает на «странное», «необычайное», так как в этом нет никакой нужды педализировать. Поэтому я – с твоего разрешения – поставил следующее название: «Н.В. Гоголь (Эпизоды)» (...) Надо сократить в обоих из этих эпизодов, а, м.б., именно во втором, несколько строк обязательно, иначе получается странный перекосяк всего: тема «Гоголь и католицизм» становится едва ли не главной?» [Асеев 1990б: 432].

Остается еще один друг, пути с которым разошлись, но который знает, что без необычайности нет тайны, а без тайны нет поэзии, Гоголь же вообще всегда загадка. Борис Пастернак пишет:

«Дорогой Коля!

В «Огоньке» были справедливы к поэме: *под современный триумфальный стиль и идеал правильности, пусть и грошового достоинства, не допускающей фривольности, поэма не подходит.*

Что сказать тебе? Читать поэму мне было в радость, наслаждением. Она – привольный, ненавязчивый вырез из более широкого мира необязательных изображений, где рядом с нею стояли бы по соседству другие произведения такой же подлинности и чистоты. В одиночестве она немислима и трагична как выпущенный в непогоду в поле чистый беззащитный ребенок.

Очень хорошо, что *она держится не единством темы, не упорством поставленной задачи, а природою сказочной стихии вообще, отовсюду пронизывающей ее и придающей ей бесхитростную замысловатость»* [Асеев 1990б: 408].

Итак, есть нечто, что создает настоящего художника, относится это и к Асееву-поэту, и к Н.В. Гоголю, его любимому писателю, и к Пастернаку. Творца рождает постижение красоты:

**А ночь – красота и диво,
серебряная перспектива
в парче из лунных лучей.
и тысячи запахов сладких,
таящихся в сумрака складках,
где сонно лопочет ручей.
От этих степеней казацких,
От этих огней чумацких,
и рос его огненный дух,
рожденный на вольной равнине.**

*и только в холодном камине
в последней – взвился и потух* («Родина») [Асеев: 1: 381].

Пастернак очень искренно удивлялся слиянности стихов и мира: «Чтение твоего Гоголя обновило наше пребывание в Болшеве. Живем в лесу, разузоренном 35-градусным морозом. Ясность, скованная безветрием, но благодаря красоте и замороженности как бы сама унесенная неведомо куда. Это, вероятно, *постоянное и самое общее свойство красоты, что, находясь перед глазами и оставаясь на месте, она всегда куда-то уводит вдаль. Это и главная черта твоей поэмы»* [Асеев 1990б: 408].

Еще одной отличительной особенностью «Поэмы о Н.В. Гоголе» стоило бы назвать удивительно «схваченную» разговорность речи, ее внутреннюю диалогичность. История со шляпой – сказка, байка, ложь, да в

ней намек: «Всем нам шляпа тесновата, не в котел головушка, а ума-то в ней палата! Мал, да смел соловушка».

Кругооборот пространства предстает как поворот сцены и как поворот памяти, колесо фортуны и колесо воображения. История Гоголя – это история художника, занятого постижением времени, русской жизни. Гоголь у Асеева далек от жизнерадостности, он то печален, то грустен, в финале на его – сердце «темно и угарно». Когда Асеев позволял себе быть «в тоске», он одергивал себя сам: «Что ты в самом деле с ума сошел? // Петь такие песни нехорошо». Со временем это ушло. Несладко было от предательств, разочарования в бывших друзьях, несправедливой критики, болезни, окружающего «лицемерия и фальши». Утешал Асеева Д.С. Лихачев: «Ваши последние стихи, которые Вы мне прислали, отражают настроения очень многих. Они «резонируют». Они вовсе не пессимистичны, как Вы думаете. Пессимизм – это равнодушие. Взятчик, который берет взятки, чтобы лопать, покупать хрусталь на сервант, «шиться» у модного портного, ходить в ресторан, – вот это гогочущий пессимист. А человек, которому грустно от того, что нет правды и много лицемерия, – это не пессимист. У Ключевского есть очень хорошая статья «Грусть». Ее, конечно, не включили в нынешнее собрание его сочинений. Если не помните ее, – посмотрите. *Я за грусть и за тоску – за самые человеческие из человеческих чувств. За Ваши стихи.* А в общем, у нашей эпохи есть своя Лизавета, даже много Лизавет. И своя закладка, заложенная под камень на Воздвиженском проспекте» [Асеев: 1: 472–473].

В финале поэмы Асеев дал ответ на вопрос, поставленный в начале:

***Роскошно раскинулись стены,
шумит молодая природа.***

*«Мой труд не рассыпался в пепел,
Мой голос дошел до народа.*

*Зачем я оставил Полтаву,
свой Нежин покинул, уехав,
что верил в бессмертия славу,
что слышал грядущего эхо!»*

*Умолкнут все звуки былого,
промчатся все призраки мимо,
лишь вечно горящее слово,
навек не испепелимо!»* [Асеев: 1: 388].

Да, писатель платит за славу и свои творения жизнью, но лишь «поэзия одна – измеритель прожитого».

Гоголь тревожил Асеева своими образами, необыкновенным словом, лукавством, юмором, но и печалью, слезами, горечью. Статья «Хома Брут и панночка» в высшей степени оригинальна по трактовке сюжета, заимствований из Саути, дает асеевское видение того, как Гоголь понимает и чувствует женскую красоту. «Я очень теперь

увлечен раскрытием тайны гоголевского «Вия»... (...) Да, не в «Вие» тут дело, он придуман Гоголем для отвлечения от основной темы – *убийственности женской красоты для творчества, для развития духовных сил человека, если эта красота – внешняя прелесть, внешнее очарование, покоряющее и делающее человека смолоду рабом страстей.* Так было с Андрием Бульбой, изменившем товариществу, семье, родине из-за околдовавшей его смолоду красавицы. Так гибнет и Хома Брут, узнавший в смертных чертах панночки ведьмовскую красоту убитой им ведьмы, которая отомстила за себя и после смерти» [Асеев 1990б: 489].

Непреходящий интерес Асеева к Гоголю подвиг его, действительно, написать нечто необычайное, «странное», как, наверно, прокомментировал бы Фадеев, будь он жив. В статье «Достоевский и Маяковский» [Асеев 1990б: 138] Асеев создал драматическую сценку «пикировки» Гоголя, Маяковского, Толстого и Маяковского. В ней поэты и писатели обсуждали, кем бы они хотели стать, в кого из своих героев воплотиться, что такое дар литературного предвидения. А затем...сели играть в карты, пригласив своих героев и делая ставки своими известными произведениями. Николай Васильевич позвал играть фантастическую фигуру Степана Ивановича Утешительного, весьма иносказательного героя пьесы «Игроки». Асеев посмел написать сатирический портрет приспособленца, делающего карьеру на судьбах известных писателей. Похоже, что в 1963 году Асеева это не смущало. К сожалению, статья и драматическая сцена остались незаконченными.

С тонкой иронией Асеев в «поединке» Гоголя и Маяковского дал им возможность «поцитировать» друг друга: Маяковскому – похвалиться, Гоголю – высказать мысли о поэте и Ф.М. Достоевском, то, что он никогда не мог бы сделать в силу временной дистанции:

«Гоголь:

– Уж очень Вы бесцеремонно все разоблачаете. Вы и меня, боюсь, разоблачите.

Маяковский:

– Да штэ с Вас взять-то? *«Чуден Днепр при тихой погоде»?* Или там насчет сора к новому забору.

Гоголь:

– Как? Как это?

Маяковский:

– Да, вот я Вас цитировал в стихах о Есенине. Помните, у Вас Городничий насчет того, что стоит поставить новый забор, как уже понанесут всякой дряни, сору там всякого. *Ну, вот у меня взята эта цитата и привинчена в стих:*

Вам еще и памятник не слит,
– где он,
бронзы звон
или гранита грань!

А к решеткам памяти
уже понесли
посвящений и
воспоминаний дрянь.

Гоголь:

– *Да это чудесно: «дрянь и грань». Да, это останется в ушах навсегда.*

Маяковский:

– *Да, недурно я Вас перелицевал. И опять носить можно. А вот Федора Михайловича так в открытую закрепил:*

Вот так,
убив,
Раскольников

пришел звенеть в звонок.

Гоголь:

– *Да, да, да! Ведь что здесь удивительно? Что звонок, звонок-то в пустой квартире как похоронный звон. И вместе с тем визгливый, дешевый колокольчик вот так и взвизгивает: «взв, взв». Это закреплено навеки [Асеев 1990б: 145–146].*

Асеев точно выразил отношение к классике и того, и другого. И не важно, что Гоголь не дожил до романа «Преступление и наказание». Маяковский низвергает авторитеты, бравитует, но при этом «стоит на плечах гигантов» и гордится, что понимает их и может вписывать в свой собственный стих. Фантастическое допущение возможно потому, что оно помогает объяснить результат словесного поиска.

Есть бездарное школьное толкование творчества писателей, когда в головы учеников вбивается, что Маяковский – великий революционный поэт, а редко кто может показать его языковое мастерство или то, что за любой деталью в тексте открываются бездны смыслов.

Вспомним два важных момента: в цитируемом выше письме Пастернака сказано о «природе сказочной стихии», а в письмах к Лихачеву по поводу «Слова о полку Игореве» речь постоянно идет о языке и глубинных смыслах фольклорной образности. Асеев чувствует, что древнерусский человек мало отличается от современного художника именно погружением в *исконные значения слова*. Да, Маяковский иронизирует по поводу фразы о Днепре, но, думается, не образ смущает его, а «растиражированность» цитаты. И обратим внимание на то, что Асеев «от имени» Гоголя вновь скажет, употребив любимое слово: «Да это

чудесно» (хотя далее рифма будет содержать слова, мало ассоциирующиеся даже с приятным).

Надо отметить, что в поэзии Н. Асеева есть слова, определяющие особенности индивидуально-авторских мировоззренческих взглядов. Одним из них является лексема **чудо** и ее дериваты **чудеса**, **чудесный**, а также контекстуальный синоним **дивный**.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого проведена реконструкция семантики и символики смысловой единицы: «**чудо** – один из распространенных мотивов славянских поверий и фольклора (сказок, легенд, баллад, заговоров, песен и др.). *Чудо* соотносится с понятием сверхъестественного, это всегда отклонение от нормы, преодолевающее границу реального и «человеческого» и отсылающее к потустороннему. Мотив *чуда* является составной частью христианского миропонимания и литературы, где чудеса признаются проявлением божественной силы и превосходства над природой (чудесное рождение Христа, его чудесные деяния, воскресение и т.д.). В средневековой славянской книжности **чудеса** широко представлены в агиографической литературе, в сказаниях о *чудотворных* иконах. Способность к чудесным действиям приписывается Богу (ср. «Богу все чудеса доступны. Христос являл чудеса, исцелял чудесами» [Даль <http>] святым, высшим силам... [Славянские древности: 5: 558–559]).

Этимология слова «чудо», представленная в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, указывает на связь этой лексемы со словами *слава*, *честь*: «**чудо** мн. чудеса́, чудесный, чудесить, чудной, чудный, укр. чу́до, мн. чудеса́, блр. чу́до, др.-русс., ст.-слав. чоудо, род. п. чоудесе θαῦμα, τέρας (Клоц., Супр.), болг. чу́до, сербохорв. чу́до, мн. чу́да, чудеса – то же, словен. čúdo, род. п. čúdesa, čúda «чудо», словц. čud, польск. cud, в.-луж. čwódo «чудо» (вероятно, с экспрессивной дифтонгизацией) Древняя основа на -es-; предполагают связь по чередованию гласных и родство с греч. κῦδος «**слава, честь**», разноступенная основа, как греч. πένθος: πάθος; сюда же греч. κῦδρός «славный». Кроме того, сближают также с др.-инд. á-kūtiṣ ж. «умысел», kavíṣ м. «учитель, мудрец»; см. Бецценбергер, ВВ 27, 145; Траутман, GGA, 1911, 247; BSW 132; И. Шмидт, Pluralb. 147; Мейе, ét. 357; Бернекер I, 161. Сюда же чу́ю, чу́ять, чуть, кудесник (см.). Позднецслав. штоудо «чудо», польск. cud – то же испытали влияние начала слова чужо́й и близких (см.), и это цслав. слово нельзя сравнивать с греч. στῦθω «поднимаю», нем. staunen «изумлять(ся)», вопреки Бернекеру (IF 10, 155; см. Брандт, РФВ 25, 29) [Фасмер <http>].

Славянские лексемы *дивь*, *диво* ‘чудо, диво, удивление’ (ср. Чудо) оказались омонимичными ряду иноязычных заимствований, что отразилось в специфике бытования и интерпретации как самих этих слов, так и в мифологических представлениях, связанных с дериватами с корнем *div*-... [Славянские древности: 2: 558–559].

Этимологические исследования иногда позволяют выявить поразительное родство между, казалось бы, далекими друг от друга словами. *Диво* восходит к индоевропейской основе *di*, давшей греческое *theos* – «**божество**» (или латинское *deos* с тем же значением) и имеющейся в русском языке, например, в слове *теология* (церковное учение о Боге). Впрочем, далекими эти слова кажутся только на первый взгляд. Ведь *диво* («чудо, то, что вызывает изумление, удивление») в смысловом плане стоит довольно близко к понятию божества, деяния которого тоже удивительны. Кстати, слово *удивление* того же корня, что и *диво*, а значит, находится в родстве с уже упоминавшейся теологией [Крылова [http](#)].

Чудесное, волшебное, необычайное связано и с тайной, которую человек понимает не только как сокрытие грешного, а как тайну высокого божественного знания, таинство, ведущее к вере и мудрости, постижению зарождения жизни и тайну рождения, ухода человека в другой мир, неизвестности будущего, как пробуждение в ребенке сознания и его изменчивость при духовном и физическом росте.

Таким образом, необычайность мира рождается от знания истинных смыслов слов *чудесное, дивное, тайное*; они соединяют все лучшее, что понимал древний человек на уровне сакрального знания и что знает поэт, потому что, имея дело со словом, понимая и чувствуя язык, он чувствует движение времени.

Если говорить образно, то философия Асеева заставляет его быть постоянно на перекрестке настоящего и будущего, жизни и смерти, реальных и фантастики, света и тьмы, красоты и безобразия, детства и зрелости. Ребенок как воплощение будущего – русская традиционная тема (и у Достоевского, и Толстого, и Горького, и Платонова и многих других писателей революционного периода).

*Так как дитя со мной было рядом,
так как дитя его ждало жадно,
так как пред детским горячим взглядом
будущее не умеет лгать* [Асеев 1967: 516].

Вопрос о происхождении фантазий Асеева, конечно, вопрос сложный. Однако если внимательно читать его стихи, где он размышляет о творчестве, то можно понять, что он, действительно, никого и никогда «не сбрасывал с парохода современности». Наоборот, романтизм великих поэтов и писателей особенно питал его размышления, его образность, язык, ритм. Ему был близок мир поэтов стыка веков. Во вступительной статье к тому «Европейская поэзия XIX века» С. Небольсин писал: «Но зенит XIX века, его в самоопределении и идей, и поэтических направлений, связан с нашим временем воистину единым нервом. И хотя здесь нет еще ни одной разновидности европейского символизма, стоящие в столетии прямо посередине бодлеровские «Соответствия»

предвосхищают музыку последних поэтов века ничуть не меньше, чем берут у первых.

*Природа – некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами,
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме
И взглядом родственным глядит на смертных он.
Подобно голосам на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слиянье.
Есть запах чистоты. Он зелен точно сад,
Как плоть ребенка свеж, как зов свирели нежен.
Другие – царственны, в них роскошь и разврат.
Для них границы нет,
Их зыбкий мир безбрежен, –
Там мускус и бензой,
Так нард и фимиа
Восторг ума и чувств дают изведать нам [Бодлер <http>].*

Это и есть наиболее емко представивший себя романтизм, на глазах перерастающий в «новую поэзию». (...) Сегодня ясно, что через прошлый век – от Гете до Пушкина через Гейне и Бодлера вплоть до Фета, Киплинга и Бунина – идет сквозная линия поэзии чудесного, диковинного и даже неземного, но все же, повторим, всегда сопредельного этому миру» [Европейская поэзия <http>].

Новое художественное мышление, связанное с футуризмом, которое воплотилось в поэзии Маяковского и «левого» направления в целом, для Асеева было основополагающим. Он экспериментировал со словом, размером, ритмом, занимался истинным словотворчеством, но в отличие от Маяковского, который был художником и создавал урбанистическое графическое пространство, сохранил восторг перед миром живой природы, ощущение слиянности диковинного и обыденно-материального.

Цвет, звук, свет Асеева завораживает не только синевой, о которой пишут все, но и зеленью. Он, поэт с истинным романтическим мироощущением, ценит тот самый запах чистоты, который, по Бодлеру, зелен точно сад. Посмотрим на зеленый мир Асеева, процитировав лишь малую часть его стихов:

– Стань к окошку и замри,
шепот сказки выслушай:
проезжаем Земмиринг:
зиму в зелень выстлавшей.
А сквозь зелень и
Сквозь снег,
В самом свежем воздухе

*От сугробов—
к весне
протянулись мостики [Асеев 1990а: 272];
— Когда ж небес
зеленый клинок
дохнул
студеною прохладой [Асеев 1990а: 280];
— стекол заалмаженный узор
вспыхивал и цвел, как хвост
павлиний,
синей и зеленой бирюзой [Асеев 1990а: 314];
— травую зеленой одет [Асеев 1990а: 316];
— зеленые волны хлебов,
ведущие с ветром беседу [Асеев 1990а: 316];
— звонкий холод лесенок
цветет —
из-под воздушных вод
зеленой влажью плесени [Асеев 1990а: 277];
— Глядят в небеса
Зелень, вода, солнце [Асеев 1990а: 370]
— Среди зеленой тишины
нахлынувшего лета [Асеев 1990а 396]
Меж зеленью и водою
Великий союз заключен.
Давай же мы будем с тобою:
Я —зеленью, — ты ключом! [Асеев 1990а: 371].*

Асеевское распаханное пространство удивительно чисто, потому что зелень во всем: воде, небе, поле, земле, в иное. И как все празднично и ярко, сказочно: вспыхивает, цветет, дышит, волнуется, молчит... Определения и метафоры поэта соединяют в целостный мир воздух, воду, свет. И абсолютная свежесть торжествует во всем: снег не леденит, студеноя прохлада не обжигает, холод воды не пугает, ветер беседует, иней на стеклах играет красками. Одним словом, мир гармоничен и прекрасен! Его безграничная красота воодушевляет и в отличие от прочей делает свободным и в чувствах, и в выборе слова и образа.

Любимой женщине, жене Оксане, посвящены десятки стихотворений, но одно из них — «Женщине в зеленом» — позволяет понять, что ее и поэта связывает не только чувство, но общее восприятие мира и растворенность в бушующей весне и лете. Женщина из быта, но подобная волшебнице, любима за свои простые и непростые чудеса: ее прикосновение дает силу растениям, цветам, она черпает красоту и возвращает ее в мир:

*Где ты, там растенья
и росы блестят,
малиновок пенье
и солнечный взгляд;
Где ты, там цветы,
и там нет пустоты:
там кисти сирени,
жасмина кусты!
Ты хочешь, чтоб всюду
земля расцветала,
зелеными листьями
лепетала;
И в царстве зеленом
сияешь плечом
под взглядом влюбленным –
под солнца лучом!* [Асеев 1990а: 446–447].

Именно у такой женщины не может быть темного коварства и гнетущих чар: у нее радостное волшебство. Ее свет и солнце, зелень как символ жизни сопровождают мужскую любовь.

Лексико-семантическое значение прилагательного *зеленый* и существительного *зелень* выявляет этимологию данных слов. Наиболее интересным оказывается связь семантики лексем *зеленый, золото, солнце*:

– *зеленый* родственно лит. *žālias*, лтш. *zaļš* «зеленый», др.-прусск. *saligan* – то же, лит. *želiù, žėliau, žėlti* «зарастать»; с др. вокализмом: лит. *žolė* «трава, зелень», лтш. *zāle*, др.-прусск. *sālin* «трава», др.-инд. *híranyam* «золото», авест. *zaranya-* – то же, др.-инд. *háriṣ*, авест. *zairi-* «желтый, золотистый» [Фасмер <http>];

– *золото* родственно вост.-лит. *želtas* «золотой», «золотисто-желтый», лтш. *zēlts* «золото», «золотой»; «золото», авест. *zaranya-* – то же, авест. *zairi-* «желтый, золотистый», сюда же *зелёный, золá*; Ср. также др.-инд. *hári-* «желтый, золотистый, зеленоватый» [Фасмер <http>];

– *солнце* родственно лит. *saulė* «солнце», лтш. *saule*, др.-прусск. *saule*, др.-инд. *svar-* ср. р., вед. *súvar*, род. п. *sūras* ср. р. «солнце, свет, небо» [Фасмер <http>].

Следовательно, перед нами этимологически родственные лексемы, значение которых восходит к основополагающему понятию *свет, сияние*.

Таким образом, в лирике Асеева формируется не просто колоративное пространство, где зеленый цвет выполняет описательную функцию, а он порождает философско-смысловое поле *пространства необычайного* (солнечный свет, сияние, тепло, энергия, «зеленое состояние» человека как наивысшее проявление любви и вдохновения), в котором есть движение человека, растения, цветка, воды, росы, воздуха

навстречу солнцу, которое воплощает будущее, вечность жизни, а в эмоциональном плане – радость бытия, визуального наслаждения.

Выводы.

В послереволюционные годы, руководствуясь эстетикой футуризма, Н.Н. Асеев выступает творцом утопического мира: социальная необычайность для 20-х-30-х годов – воплощенные в будущем реалии коммунизма.

Фантастические приемы романтизма перевоплощения пространства и времени, то есть возможности проникновения в прошлое и будущее, в «параллельные» миры, совмещение героев разных времен в одном пространстве будущего («оживление» любимых писателей и поэтов) используется Асеевым для постижения времени героев, их внутреннего мира и прежде всего их ведущих идей о смысле бытия и творчества.

Необычайность связывается Асеевым с категорией красоты, совершенства, гармонии, будущего. Она состоит не только в умении и возможности выразить свое восприятие и чувство иррационального, таинственного, трудно объяснимого, интуитивного, поразительного, исключительного, редкого, но и в интеллектуальном собственном понимании того, что поражает. Мысль поэта, по мнению Асеева, должна быть необычайной, то есть новой по сравнению с обыденностью. Это есть его «всюду, всюду», то есть и в мире, и в поэтическом творческом процессе. Если поэт банален, то банальна его поэзия, только вселенная безграничности – источник вдохновения. Отсюда необычайность связана с идеей личной свободы поэта, свободы его мысли и вымысла.

Библиографический список

Асеев Н.Н. Избранные произведения / Сост. предисл. и коммент. И. Шайтанова. М.: Худож. лит., 1990а. 511 с.

Асеев Н.Н. Родословная поэзии: Статьи, воспоминания, письма. М.: Советский писатель, 1990б. 560 с.

Асеев Н.Н. Собр. соч. в 5-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1910-1927 гг. М.: Худож. лит., 1963. 460 с.

Асеев Н.Н. Собр. соч. в 5-х т. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1927-1930 гг. М.: Худож. лит., 1963. 460 с.

Асеев Н.Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Изд-во «Советский писатель», 1967. 736 с.

Бодлер Ш. Соответствия. URL: <https://stihi.ru/2005/06/05-789> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=43177> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

Дубровских Т.С. Эстетика необычайного в книге Н. Асеева «Проза поэта» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3 (35). С. 103–111.

Европейская поэзия XIX века / [Сборник: Переводы / Составление В. Богачева и др.; статья С. Небольсина, с. 5–20; Примеч. В. Вебера и др.]. М.: Худож. лит., 1977. 927 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Литература XIX в.; Т. 85). URL <https://litlife.club/books/222274/read?page=1> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

Крылова Г.А. Этимологический онлайн-словарь. URL <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%B4/%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. / Ред. Н.И. Толстой. М.: «Международные отношения», 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 29.11.2022 г.).

Шайтанов И. Благополучный Асеев?.. // Асеев Н.Н. Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–19. 511 с.

References

Aseev N.N. Izbrannye proizvedeniya / Sost. predisl. i komment. I. Shaitanova. M.: Khudozh. lit., 1990a. 511 s.

Aseev N.N. Rodoslovnaya poezii: Stat'i, vospominaniya, pis'ma. M.: Sovetskii pisatel', 1990b. 560 s.

Aseev N.N. Sobr. soch. v 5-kh t. T.1. Stikhotvoreniya i poehmy 1910-1927 gg. M.: Khudozh. lit., 1963. 460 s.

Aseev N.N. Sobr. soch. v 5-kh t. T.2. Stikhotvoreniya i poehmy 1927-1930 gg. M.: Khudozh. lit., 1963. 460 s.

Aseev N.N. Stikhotvoreniya i poehmy. L.: Izd-vo «Sovetskii pisatel'», 1967. 736 s.

Bodler Sh. Sootvetstviya. URL: <https://stihi.ru/2005/06/05-789> (data obrashcheniya: 29.11.2022).

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4-kh tt. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=43177> (data obrashcheniya: 29.11.2022 g.).

Dubrovskikh T.S. Ehstetika neobychnogo v knige N. Aseeva «Proza poehhtA» // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. Vyp. 3 (35). S. 103-111.

Evropeiskaya poehziya XIX veka / [Sbornik: Perevody / Sostavlenie V. Bogacheva i dr.; stat'ya S. Nebol'sina, s. 5-20; Primech. V. Vebera i dr.]. M.: Khudozh. lit., 1977. 927 s. (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Литература XIX в.; Т. 85). URL <https://litlife.club/books/222274/read?page=1> (data obrashcheniya: 29.11.2022).

Krylova G.A. Ehtimologicheskii onlain-slovar'. URL <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%B4/%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%BE> (data obrashcheniya: 29.11.2022).

Slavyanskije drevnosti: ehtnolingvisticheskii slovar'. V 5-ti tt. / Red. N.I. Tolstoi. M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1995.

Fasmer M. Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tt. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (data obrashcheniya: 29.11.2022 g.).

Shaitanov I. Blagopoluchnyi Aseev?.. // Aseev N.N. Izbrannye proizvedeniya. M.: Khudozh. lit., 1990. S.5-19. 511s.